

позволившим Творцу увидеть, что «он хорош». Бытие Художником означало владение техникой, понимаемой и как мастерство, и как необходимый инструментарий делателя. Эти-то божественные качества и передавались человеку, который есть не только прах и тлен, но одновременно и орудие в руках Бога, и обладатель орудиями для созидания.

Изделия ремесленника есть и продукты, и художественные произведения. «Подобно тому как в этой жизни мастера каждому орудю придают вид соответственно надобности, так и наилучший Мастер сотворил нашу природу как бы сосудом, нужным для царственной деятельности, устроив, чтобы и по душевным преимуществам, и даже по телесному виду она была такая, как требуется для царствования» {Григорий Нисский. Об устройении человека. С. 15}. К устройению человека Бог, как полагает Григорий, приступает «осмотрительно», подготовив для него специальное вещество, уподобленную первообразу форму, предложив цель, ради которой он создается, и создав природу, подходящую ему по своим энергиям. Само это усилие Григорий называет механическим — оно-то и передает энергию человеку, сравниваемому со статуей. Создание этой статуи выражается словами, которые много веков спустя будут повторять многие великие скульпторы: взять камень и отсечь от него все лишнее: «Благодаря этому мастерскому и искусному акту создания в человеческой природе тотчас же обнаруживается сопряженная с ней сила души... Подобное можно видеть у камнерезов. Художнику нужно представить в камне вид какого-нибудь животного. Задавшись такой целью, он сперва соскабливает с камня нарощее на нем вещество;

затем, отсеки от него лишнее, производит, пол ражая предположенному, его первое подобие, так что уже и неопытный может догадаться по внешнему виду о цели произведения. Продолжая обрывать далее, он еще ближе подходит к желаемому образу. Потом, передав совершенный и точный вид, он доводит произведение до конца. И этот незадолго до того ничем не отмеченный камень становится львом или тем, чем его сделал мастер, — не потому, что соответственно виду заменяется вещество, а потому, что веществу искусственно придается вид» (там же. С. 108—109). Этот фрагмент трактата Григория Нисского можно считать не просто своеобразным рецептом создания художественного произведения, шедевра, которого требовали от любого мастера средневековые цехи, но и последовательным показом сотворения из ничего, когда незримо «заменяется вещество», а вид оказывается не логически выведенным из рода, а искусственно созданной единичностью, в своей особенности и уникальности содержащей всеобщее. Сама идея «показа» у Григория Нисского есть свидетельство, с одной стороны, необходимости аналогического мышления, а с другой — деятельности, замещающей доказательство. «Кто не знает, как в древности процветал народ израильский, противостоящий всем державам во вселенной? Какие в граде Иерусалиме были дворцы?... Господь же дивящимся настоящему показывает будущее запустение этого места и исчезновение той красоты, говоря, что вскоре ничего из видимого здесь не останется... Ведь свидетельство дел в пользу этого — доказательство истинности того. Это похоже на то, как если бы земледельцу, толкующему о всхожести семян, встретился бы кто-то неопытный в земледелии и не поверил бы ему; тогда для доказательства истины земледельцу было бы достаточно показать всхожесть одного из семян, чтобы можно было поручиться и за остальных» (там же. С. 79).

** Ср., напр.: Лейбниц Г. В. Монадология // Лейбниц Г. В. Соч. в 4-х т. М., 1982. Т. 1. С. 425; его же. Теодицея // Там же. Т. 4. М., 1989. С. 184.

*** Григорий Нисский пишет, что «содействие рук помогает потребности слова». Более того, «если кто-нибудь содействие рук назовет особенностью словесной природы, он не совсем согрешит». Прежде человека появилось то, «что должно служить человеческой